

Все верно, это была его дочь, рожденная от наложницы Жоу.

— Отец... — моргнув, малышка испугалась молчания императора, посему поспешила отпрянуть и, сделав пару шагов назад, опустилась на колени.

С почтением и детской неловкостью, девочка поклонилась мужчине:

— Принцесса хочет выразить почтение отцу. Да здравствует Ваше Величество! Да здравствует император! Да здравствует отец!

Глаза Лун Сяюаня медленно приобрели очертания блюдец. Вид столь раболепного поклонения от хрупкой дочери выбил его из колеи. Даже если Сяюань ее не помнил, он не был настолько бессердечным, чтобы позволить девочке преклонить колено перед родителем.

Мужчина помог ей подняться и, приседая на корточки, поравнялся с девочкой взглядом:

— Все хорошо, не нужно, но почему ты бегаешь по саду, словно оголтелая? Ты ведь знаешь, что дворец очень опасное место? Нельзя бездумно носиться по нему, — император в самом деле радел за безопасность дочери. В конце концов, сад украшает немало скульптур, каменных насыпей, столбов и прочих построек. Что если девочка ударится головой, рукой, ногой? Даже у взрослого человека появится серьезная шишка, что уж говорить о ребенке.

Но в глазах девочки то было порицание, гнев. А злость отца могла говорить только об отвращении к ней. Несчастливая так расстроилась, что чуть не расплакалась. В ее ярких больших глазах застыли слезы. И она позволила бы им прокатиться по щекам, если б не знала, что отец до отвращения ненавидит плачущих детей.

Лун Сяюань растерялся. Вид расстроенной, готовой вот-вот разрыдаться дочери поставил его в неловкое положение. Кроха стойчески сдерживалась, но ее щечки и глаза успели покраснеть. Неужели в ее понимании отец именно такой? Злой, жестокий? Сяюаню оставалось только вздохнуть. Конечно, он любил детей, но это не значит, что каждый отпрыск сможет вить из него веревки. Особенно, когда перед ним ребенок от женщины, которую он не любит. Нет, маленькая принцесса, конечно, была его плотью и кровью, но он не помнит ее рождения. Не помнит ее имени и не жалуется ее мать.

Поднявшись, император прокашлялся и взглянул на приклонившую колени служанку. Как бы там ни было, девушка должна хорошо заботиться о принцессе:

— Отправьте девочку к матери, и проследите за тем, чтобы с ней ничего не случилось. Безопасность принцессы превыше всего!

— Да! Слуга повинуется приказу! — за ней поклонились и остальные охранники да нянечки. — Слуги спешат подчиниться приказу!

Когда делегация во главе с плачущим ребенком скрылась, Лун Сяюань тяжело вздохнул и, не спеша, направился к дворцу императрицы.

В этот самый момент теневой страж доложил императрице о произошедшем.

— О? Первая принцесса? — изогнул бровь Цинчжоу. — Иди и узнай, была это случайность или наложница Жоу специально отправила девочку к императору.

— Есть! — поспешил удалиться слуга.

Через пару-тройку минут к дворцу прибыл Лун Сяюань и застал супруга за тренировкой. Цинчжоу, погрузившись во что-то похожее на медитацию, танцевал с мечом; самозабвенно и умело, невероятно красиво. Император всегда знал о боевом прошлом императрицы, но никогда не заставал ту с мечом в руке.

Для правителя то было чрезвычайно редкое зрелище, именно поэтому он застыл и не смел лишний раз вдохнуть. Его поразила элегантность любовника, поразила его осанка и мощь смертельно опасных выпадов. Плавные переходы и безжалостные удары порождали красоту сочетания мягкости и жестокости. Сяюань просто не мог не любоваться сей картиной.

Цинчжоу закончил тренировку и убрал меч. словно змей искуситель, он взглянул на мужа и элегантно улыбнулся. Он был бы идиотом, если бы не заметил транса любовника.

— Ты вернулся.

Уподобившись клюющему рис цыпленку, несколько раз кивнул император, после чего, так и не выйдя из транса, подошел к возлюбленному, обнимая того за талию:

— Цинчжоу, ты... только что ты был таким красивым!

— Восхитительно красивым? — не мог не рассмеяться парень.

— Да, — вновь восторженно кивнул мужчина. — Ослепительно красивым, великолепным, восхитительным!

Ловя искренний взгляд императора, Цинчжоу почувствовал, как сердце ускоряет бег. Поддавшись моменту, он позволил супругу наклониться и запечатать его губы своими. Он и сам приник к мужчине, не противясь жарким, нежным и в то же время уверенным прикосновениям теплых ладоней, что крепко сжали его талию. И Цинчжоу, и Сяюань едва не сгорели в углях постепенно разгорающейся страсти.

<http://bllate.org/book/14215/1253492>